

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.....	11
Глава 2.....	15
Глава 3.....	25
Глава 4.....	31
Глава 5.....	40
Глава 6.....	48
Глава 7.....	54
Глава 8.....	62
Глава 9.....	70

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10.....	75
Глава 11.....	83
Глава 12.....	89
Глава 13.....	96
Глава 14.....	107
Глава 15.....	116
Глава 16.....	123
Глава 17.....	127
Глава 18.....	134
Глава 19.....	141

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 20.....	151
Глава 21.....	154
Глава 22.....	158
Глава 23.....	163
Глава 24.....	170
Глава 25.....	179
Глава 26.....	186

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 27.....	199
Глава 28.....	207
Глава 29.....	219
Глава 30.....	228
Глава 31.....	235
Глава 32.....	241
Глава 33.....	246
Глава 34.....	255
Глава 35.....	258
Глава 36.....	267
Глава 37.....	271
Глава 38.....	276
Глава 39.....	281
Глава 40.....	288
Глава 41.....	296
Глава 42.....	303
Глава 43.....	310
Глава 44.....	317
Глава 45.....	326
Глава 46.....	331
Глава 47.....	337
Глава 48.....	342

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 49.....	351
Глава 50.....	354
Глава 51.....	361
Глава 52.....	367
Глава 53.....	375
Глава 54.....	380
Глава 55.....	384
Глава 56.....	392

ГЛАВА 1

Мы смотрим войну по телевизору почти каждый вечер, и она становится всё хуже и ближе.

Папа сидит на диване, цокая, качая головой и по-разному обзывая премьер-министра. Моя старшая сестра, Алекс, начинает злиться и спорит со всем, что говорит папа, но я не думаю, что она лучше нашего разбирается в происходящем. Потом они кричат.

Маму они оба расстраивают, и она даже завела привычку прогонять меня из комнаты, когда всё начинается. Говорит:

— Тебе всего двенадцать, Уилла. Незачем тебе всё это видеть.

Тогда встречается папа:

— Прямо на наших глазах творится история. Любительнице истории необходимо это видеть!

«Любительница истории» — ха! В прошлом году, в шестом классе, я выиграла в историческом конкурсе, и папа никак не уймётся. Он обожает такое. А я всего-то-навсего написала эссе про

американского президента Джона Ф. Кеннеди (того, которого убили в 1963-м) и нарисовала классную картинку, которую скопировала с фотки и очень аккуратно раскрасила.

Когда дело касается того, что происходит сейчас, и Третьей мировой войны, которая не за горами, мне страшно. Всем страшно. Ну, всем, кроме Мэнни Уивера, но до него мы скоро доберёмся.

Даже если я выхожу из комнаты — разницы нет. Стоит мне открыть ноутбук, как я снова всё это вижу: видео бомб, сыплющихся с самолётов, горящих зданий, людей, вытаскиваемых из-под обломков, злых толп, кидающихся всяким-разным в таких же злых солдат, и злых людей, строчащих злые посты в «Квике».

Я всё это терпеть не могу, но не смотреть довольно сложно. Вы знаете, о чём я. Вы, наверное, и сами видели подобное.

Я неплохо понимаю историю, но только когда она в прошлом. Когда она происходит вокруг меня — уже гораздо меньше.

Я даже не знаю, из-за чего они дерутся. Из-за воды, наверное. И нефти, скорее всего. Из-за бога? Кое-где, по-моему, из-за всего сразу. Одна кучка людей ненавидит другую кучку людей, все остальные принимают чью-то сторону, и тут... бац! Война. Судя по всему, именно так всё и работает. Мама говорит, мне не нужно бояться, потому что война идёт за много миль от нас, в других странах. Но она приближается; все это знают.

Призом в историческом конкурсе, кстати говоря, была книга «Маленькая история мира». В ней много написано про войны. Она стоит у меня на полке, более-менее нечитанная. Каждый раз, когда я к ней тянусь, я вспоминаю, как моё имя объявили в актовом зале — и никто не захопал.

Мама с папой не смогли прийти на вручение наград, потому что у них была встреча с людьми из «Солнечных Сезонов», которые собираются купить наш семейный бизнес и присоединить его к парку по соседству — покрупнее (и гораздо по-симпатичнее). Так что они не видели, что произошло — нелепого момента, которому разве что стрекотания сверчков недоставало, когда я поднялась на сцену, а мне захопали одни учителя — да я им и не рассказывала. Я вообще никому не рассказывала, потому что мне некому. Наверное, можно было поделиться со старой Модой, но, учитывая, как здорово она помогла мне с этим эссе, это бы её только расстроило. Так что я помалкивала.

Тем временем грамота, которую мне вручили, по-прежнему стоит над камином, рядом с папиными медалями военно-воздушных сил и святилищем — фотографией и свечкой — малыша Александра. Он был моим старшим братом, прожившим всего восемь дней, а теперь и сам стал частью истории.

Вот сейчас они опять спорят, мама с папой, и только что хлопнули дверью. Иногда они ругаются из-за войны, обычно — из-за работы.

С бизнесом неладно, вот и всё, что я знаю. Мама называет папу «ленивым и лишённым воображения»; он называет её «помешанной на контроле и навязчивой». Из моей комнаты мне их слышно — шипят друг на друга, как злые кошки.

Алекс сидит в своей комнате — нацепила наушники и играет в войну на компьютере с людьми, которых она и не встречала никогда. Всё было бы не так плохо, если бы она хотя бы разговаривала со мной, но она только вздыхает и бурлит, как неисправный бойлер в душевой.

Конфликты? Они окружают меня со всех сторон, и меня это бесит.

А потом, не успеваем мы опомниться, как на всех экранах страны появляется премьер-министр и заявляет, что Британия, возможно, будет вынуждена объявить войну, если так поступят наши союзники. Внезапно все только об этом и говорят.

Тут-то я и знаколюсь с Мэнни и обнаруживаю Боковой мир — и всё меняется раз и навсегда.

ГЛАВА 2

Думаю, я люблю Мэнни Уивера! Не в *том* смысле люблю, не беспокойтесь. Ну ладно, по чьим угодно стандартам Мэнни очень даже хорошо выглядит, но нам всего двенадцать, и у меня не «колотится как сумаспешдшее» сердце и не «летают бабочки» в животе, что, по мнению моей сестры Алекс, является верными признаками влюблённости. (Ей виднее: с ней это происходит примерно раз в пару месяцев. Ей пятнадцать.)

Так что, наверное, мне просто нравится Мэнни — *очень сильно*. А более того, я, кажется, тоже ему нравлюсь, что уже выделяет его среди ребят в моей школе.

В Мэнни есть что-то... *необычное*. Что-то, что я заметила утром, когда он вошёл в наш класс и встал в дверях: высоковатый и худоватый, слегка сутулящийся, будто всегда готовый пригнуться. Все повернулись на него посмотреть: Новенький.

Вы или я наверняка опустили бы глаза с видом «пожалуйста-не-смотрите-на-меня» и прошмыгнули

бы на место (рядом со мной, вот невезуха), которое подготовила миссис Поттс: новая тетрадь, карандаш с логотипом школы и открытка «Добро пожаловать в 7П».

Но Мэнни оказался не таким. Он оглядывал всех в ответ где-то целую *вечность*. В классе нас было человек двадцать. Он посмотрел на каждого, одного за другим, ссутулившись и почти не моргая, из-за длинной светлой чёлки. Он не то чтобы хмурился, но и дружелюбным не выглядел. Мало-помалу, пока продолжалась эта игра в гляделки, все в классе замолкли. Когда Мэнни охватил взглядом всех, то слегка кивнул и прошептал:

— Привет.

А потом небольшая толпа семиклассников с уважением расступилась перед ним, и он прошествовал к нашей парте и сел.

Это явно была очередная попытка миссис Поттс «вытащить меня из раковины», как она однажды выразилась. Знаете, поставить Новенького в пару к Тихоне и посмотреть, вдруг они подружатся. Или, может, она думает, что я хорошо на него повлияю. Я никогда не влипаю в неприятности в школе, а вот от Мэнни так и веет каким-то озорством.

Думаю, дело в основном в его глазах: они зелёные и яркие, как разрезанный киви, и таращащиеся и печальные — весьма странное сочетание.

В нашей школе нет формы, но предполагается, что мы должны одеваться «разумно». А Мэнни явился в полосатых штанах, носках с радугой

и мягкой фиолетовой толстовке. Я услышала, как Дина Малик говорит:

— Вау, гляньте-ка на этого Вилли Вонку!

Всё это казалось частью его «нездешности».

И как будто волшебности.

Школьный день закончился, и я жду Мэдисон и Джесс у спортзала, чтобы вместе пойти домой. Так будет дольше, но я не против. У меня с собой «Шоколадный крем Фрая» — я хочу их угостить, но тут замечаю, что они уходят по противоположной стороне игровой площадки и уже слишком далеко, чтобы звать их. Как они там оказались, не проходя мимо спортзала, — настоящая загадка. Я разворачиваю велик и еду другим путём, пытаюсь избавиться от мысли, что они меня избегают.

На Мэнни я наталкиваюсь в конце переулка, ведущего от побережья к школе, который все называют Какашечным проулком. Он просто сидит на каменном заборе рядом с потрёпанным жёлтым великом и вроде как занят каким-то своим делом.

— Привет, Уилла, — говорит он, не успеваю я даже с ним поравняться. Мне приходится резко притормозить, чтобы не врезаться в него. — Я подумал, расскажу-ка я о себе. Чтобы сэкономить время, знаешь?

Что нужно говорить, когда кто-то заявляет такое? Лично я остроумно отвечаю:

— Эм... — что Мэнни, видимо, расшифровывает как «Да, давай — расскажи мне о себе абсолютно всё, хоть я вообще-то и не просила».

Он отбрасывает с глаз длинную светлую чёлку и говорит:

— Ну хорошо.

Мы начинаем катить велики по тротуару, мимо заколоченных витрин, разрисованных граффити. На дворе май, но с серого Северного моря дует холодный, влажный ветер; мелкий мусор кидается нам под ноги, как непослушные щенята. Мэнни останавливается вытащить из спиц велика обёртку от фруктового льда.

— Ты не пугайся, Уилла, — говорит он. — Просто я жил примерно в тысяче временных семей с новыми родителями, новыми братьями и сёстрами и считаю, что так быстрее. Я всё равно тебе это расскажу рано или поздно, так почему бы не сделать это рано? — Потом он улыбается мне, будто подначивая меня поспорить.

— Потому что... я тебя вообще не знаю?

— Именно поэтому! А так узнаешь. Понимаешь ли, мы подружимся, я уже вижу. Упс, осторожно — собачьи какашки!

Я огибаю их.

— Уже видишь?

— Поверь мне, если бы ты сменила столько школ, спецшкол, семей и детдомов, сколько я, у тебя бы выработалось чутьё на такие вещи. Кроме того, тебе нужен друг, так почему бы мне не стать им?

Сгорая со стыда, я прекращаю катить велик и перекидываю через него ногу, собираясь уехать.

— Эй, стой! — говорит Мэнни. — В чём дело?

— *В тебе* дело. Не нужен мне друг.

— Тогда почему ты возвращаешься со школы одна? Почему тусуешься в обед в библиотеке сама по себе? Почему...

— Ладно, ладно, — рявкаю я. — Может, у меня *не так много* друзей. Тебе-то что до этого?

— Ну, у меня вообще ни одного нет. Пока что. Так что, знаешь...

Мэнни видит, что мне немного неловко, так что быстро перехватывает нить разговора.

— Ладно, — говорит он. — Эмануэль Уивер — это ты уже знаешь. День рождения: первое февраля, подарки приветствуются, но не обязательны. Шутка! Братьев-сестёр нет. Последняя приёмная семья переехала в Австралию, чтобы убраться от меня как можно дальше.

Я бросаю на него взгляд. На его лице полуулыбка, так что, наверное, он шутит. Он продолжает:

— Сейчас живу под опекой Норт-Тайнсайских соцслужб в детском доме имени Уинстона Черчилля на побережье. Папу никогда не знал. Мама... больше не с нами.

Он делает паузу.

— Вот и всё. Это я.

Это всё как-то неожиданно, особенно последняя часть. Я говорю:

— О. Понятно. Хорошо. Ну, то есть в том, что

ты сказал в конце, нет ничего хорошего. Мне очень жаль. Я хочу сказать, твоя мама... — Я лопочу что-то несвязное и мне неловко.

— Ага, ну да, спасибо. Ты, наверное, хочешь узнать, что с ней стало?

— Нет! Ну то есть, если она, ну ты понимаешь, эм... умерла, тогда, эм...

О нет, это просто ужасно.

Мэнни перебивает.

— Она не умерла, Уилла.

— О. Просто ты сказал, что она больше не с нами, так что я подумала...

— Нервный срыв, — говорит он. — Если кратко, она пошла по магазинам и больше не вернулась. Это длинная история. Я был совсем маленьким.

— Это просто жуть, Мэнни. Бедная она. Бедный ты.

Мэнни прекращает толкать велик и начинает возиться с одним из тормозных тросиков.

— Спасибо, — со вздохом говорит он. — Никто толком не знает, что именно произошло. Мне было всего четыре, так что мне талдычили в основном «У мамочки головка бо-бо» и всё в таком духе. Формально она всё ещё считается «пропавшей без вести». Но Джейкоб — это мой соработник — говорит, что я должен учиться жить с мыслью, что моя ма, возможно, умерла. — Он пожимает плечами. — Вот только она жива.

Сложно придумать, что сказать. Со мной обычно

редко делятся такими личными подробностями, особенно так внезапно. Некоторое время мы катим велики молча, а потом я спрашиваю:

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, — отвечает Мэнни. — Но только то, что я чего-то не знаю, ещё не значит, что это не так. Когда-нибудь я её найду. Я это чувствую.

Я снова гляжу на него: он выпятил челюсть и крепко стиснул губы, будто привык рассказывать эту историю и не плакать. Глаза у него сияют. Несколько секунд мне ужасно неловко, а потом Мэнни говорит:

— Ну ладно. Всё обо мне да обо мне. Что насчёт тебя?

Ого.

— Эм... э... Вильгемина Шафто, но так меня никто не называет. День рождения: четырнадцатое ноября. Живу с мамой и папой, они управляют Уитли-Бэйским парком отдыха «Счастливая Страна». — Я тараторю, и всё это звучит слишком нормально и идеально по сравнению с историей жизни Мэнни, так что я добавляю: — У меня есть сестра, её зовут Алекс. Ей пятнадцать, и она настоящая заноза в одном месте. А ещё мои мама с папой вечно ругаются, потому что бизнес идёт плохо, ну и... как бы...

Я умолкаю. Это всё правда, но, конечно, подробностей я не знаю. Мама с папой велели мне не болтать про бизнес — вдруг поползёт слух, что у «Счастливой Страны» проблемы. Каждый раз,

когда к нам собираются приехать люди из «Солнечных Сезонов» на своих блестящих машинах, родители начинают ругаться всё сильнее.

— ...и из-за войны, — добавляю я. — Они вечно ругаются из-за войны.

— Почему? — спрашивает Мэнни с искренним недоумением.

— Ну, знаешь, у них разные мнения на её счёт.

— Разве они могут что-то изменить?

— Ну, нет — само собой. Никто из нас не может.

— Вот именно. Поэтому я предпочитаю волноваться о вещах, которые могу изменить.

Мы уже на том отрезке пути, когда мне надо идти прямо, а Мэнни — сворачивать налево к детскому дому имени Уинстона Черчилля. Он говорит:

— Видишь — теперь мы друзья? Встретимся здесь завтра в восемь тридцать и поедем вместе. Кстати, какой у тебя номер?

— У меня... *номер?*

— Ну да — телефонный номер?

Мне приходится залезть в телефон и найти свой номер, потому что наизусть я его не помню. Мне кажется, раньше меня никто и не спрашивал, по крайней мере никто из ровесников.

Я говорю:

— Ты разве не пользуешься «Квиком»? — и Мэнни, кажется, слегка смущается, но тут же прикрывается улыбкой.

— Не — это для лузеров! Я предпочитаю классику. Глянь-ка вот на *это!*

Мэнни достаёт свой телефон — крошечный, с малюсеньким экраном. Он с кнопками, как на самых древних телефонах, а на логотипе написано «ЭРИКССОН» — никогда о таком даже не слышала.

— Это, считай, антиквариат. Мой соцработник швед, это он его мне нашёл. Он звонит и отправляет сообщения. И всё. Джейкоб не очень-то жалуется смартфоны. Считает, будто они «мешают нам говорить лицом к лицу» и так далее. Кстати говоря, — спохватывается Мэнни, лезет в сумку и вытаскивает оттуда потрёпанную книгу. — Подумал, тебе понравится это почитать.

КРИПТИДЫ — ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОЗЕРА ЛОХ-НЕСС

Автор

Доктор Э. Борбас

На обложке — зернистая картинка, изображающая нечто в озере — лох-несское чудовище, по всей видимости. Я переворачиваю книгу и читаю аннотацию.

**От древних легенд о лох-несском
чудовище до современных историй
о бодминском звере по всему миру
насчитывается великое множество**

**свидетельств о загадочных существах.
Если они реальны, откуда же они
берутся?**

Я смотрю на Мэнни — он ухмыляется.

— Джейкоб говорит, одолжить кому-то книгу — это идеальный способ подружиться, потому что так её придётся вернуть, и вы сможете её обсудить. Местами там запутанно, но она неплохая.

С этими словами он укатывает на велике прочь, а я остаюсь листать странную книгу. В ней есть картинки больших, смахивающих на котов зверей и живущих в озёрах гигантских змей, чего-то под названием бигфут и мексиканского монстра, который высасывает кровь из коз...

Проходит пара минут, прежде чем я наконец сажусь на велик и осознаю, что, несмотря на всю странность ситуации, Мэнни прав. Кажется, у меня появился друг.